

Образ медведя в сарматской культуре Северо - Западного Причерноморья

*«...медведь лесной зверь в степи ему делать нечего»
Л. Н. Гумилев*

Изображения зооморфных персонажей достаточно часто встречаются в комплексах сарматской культуры. Зачастую это различные аппликации или горельефы мифических либо реальных животных помещавшихся на разнообразных деталях убранства и предметах вооружения. Значительную часть изображений животных составляют объёмные фигурки, служившие в качестве ручек сосудов выполненных из различных материалов или других предметов, исполнявших оградительные функции – апотропес. Среди них выделяется небольшая группа изделий изображавших медведей или его части.

Очевидно, что изображения животных были вызваны не только чисто эстетическими запросами сарматского населения. Их образы, выполненные с различной степенью детализации и реализма, определённо несли какую-то смысловую нагрузку, и говорят о важности религиозно - магического значения придававшегося им мастерами всему обществу. Соответствовала его идее - мифологической системе мировосприятия.

Реалистичные изображения медведей относятся к наиболее распространённому некогда представителю этого семейства хищников – бурому медведю (*Ursus arctos*), который в сравнительно недавнем прошлом населял почти всю Европу и северную половину Азии, причём водился не только в лесах, но местами выходил и в степи. Наиболее характерные признаки для него это крупная круглая голова с выпуклым лбом, короткой мордой и близко посаженными глазами. Уши небольшие, округлые. Высота в плечах больше высоты в крестце. Зад округлый, хвост очень короткий. Лапы вооружены большими не втяжными когтями.

В Северо - Западном Причерноморье известно три комплекса с зооморфными ручками в виде медведей. В данной работе мы не затрагиваем вопроса появления керамики с зооморфными ручками и мотива медведя в частности в культуре карпов, требующего специального рассмотрения. Отметим только, что она синхронна либо появляется несколько позже сарматских образцов. Первый сосуд с зооморфной ручкой происходит из погребения 3 кургана 14 у с. Думяны на Среднем Пруту. Лепной округлободий кувшин стоял в ногах погребённого, вероятно женщины. Венчик сосуда выделен, высокий, слабо отогнут, край утончён. Плечики приподняты, дно легко вогнутое со следами потёртости от длительного

использования. Высота кувшина 14 см, диаметр венчика 8 см, тулова 12 см, дно 5,4 см.

К плечикам крепилась зооморфная ручка в виде реалистично изготовленной фигурки медведя, названного в первой публикации по неизвестной нам причине кабаном (Гросу, 1988, с.86), высотой 6,2 см. Ручка скобообразной формы. Передние и задние лапы не расчленены. Округлая голова смоделирована, слита с туловищем животного практически без швов. Уши округлые, морда короткая, заканчивается уплощённым пятчком носом. Глаза и ноздри обозначены наколами, пасть горизонтальной линией. Выдвинутый загривок передан зашипом. Короткий хвост слегка намечен (рис.1, 1). Изготовлены кувшин и ручка из одного хорошо отмученного теста с большой примесью мелкого кварца, крупных гранитных включений и органики. Внешняя поверхность сосуда подшошена. Цвет, серо - коричневый с подпалинами.

Датируется погребение крупным дисковидным зеркалом без ручки, диаметром 9,7 см, с низким рельефным валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре (рис.1, 3). Зеркало относится к небольшой группе зеркал VIII типа по классификации А.М.Хазанова, использовавшихся на протяжении I - II вв. (Хазанов, 1963, с.64-65). Рубежом I - II вв., надо полагать, датируется весь комплекс погребения. Упомянутая в описании могилы фибула не сохранилась.

Ближайшие параллели рассматриваемому кувшину, по технике изготовления и способу крепления ручки, прослеживаются среди лепных и гончарных сосудов Поволжья (Смирнов, 1960, рис.3, 7), часто вообще без ручек (Шилов, 1959, рис.45, 1, 5 и др.) и Нижнего Подонья (Максименко, 1998, с.102, рис.9, 13), I - II вв., отличаясь от них более реалистичным изображением животного.

Ещё четыре фигурки медведей служили ручками двум деревянным кубкам полушарической формы, с диаметром венчика 10,5 см, найденным в погребении 4 кургана 4 у с. Оланешты на Нижнем Днестре (Мелюкова, 1962, с.195-208). Оба кубка лежали в изголовье взрослого мужчины, на деревянном блюде под бронзовой сциллой. В этом же погребении найден полный комплект наступательного вооружения и конская упряжь. Ручки вырезаны из отдельных кусков дерева и крепились по две широко расставленными передними лапами к краю венчика, и сближенными, более короткими задними – к тулову сосуда. Хвост не обозначен. Головы медведей на вытянутых шеях возвышались над краем кубков. Уши смоделированы небольшими округлыми выступами с рельефно оформленными ушными раковинами, лоб покатый. Короткая морда заканчивается косо срезанным пятчком. Глаза лишь слегка намечены. Шеи животных охватывали широкие серебряные, пластинчатые ошейники, шириной 1,1 см, от которых на морду опускались налобники – намордники, крепившиеся, как и ошейники, серебряными гвоздиками. Высота сохранившейся полностью фигурки 7 см (рис.2, 1). Датируется комплекс второй четвертью – серединой II в. (Курчатов, Бубулич, 2003, с.301).

Стилистически аналогичная фигурка животного кошачьей породы найдена в кургане 20/1 у г. Азова (Беспалый, 1990, с.217, рис.3, 16), где она служила ручкой деревянного ковшика. Техника изготовления и использование аналогичных оланештским серебряных пластинчатых ошейников с намордниками свидетельствует о возможности изготовления сосудов из Оланешт и азовского ковша в одном производственном центре. Датируется азовское погребение серединой II - серединой III в. Отмечая присутствие деревянной посуды в 30 нижнедонских погребальных комплексах этого времени, Е.И.Беспалый выделяет среди них группу кубков с ручками, оформленными в виде фигурок кошачьих хищников, лосей и диких кабанов (Беспалый, 1989, с.120-121).

Следующая подчеркнута реалистично изготовленная деревянная фигурка медведя служила боковой ручкой арфы обнаруженной рядом с молодым мужчиной, вооруженным мечом и луком со стрелами, из парного погребения, раскопанного в 1918 г. у с. Козырка на Бугском лимане (Симоненко, 1999). Ручка выполнена в виде стоящего медведя с широко расставленными передними лапами, слегка вывернутыми в локтевых суставах наружу, подчеркивая его косялапость. Задние, более короткие лапы, обличены, с рельефно выраженными бедрами. Подтреугольной формы голова опущена вниз. Маленькие округлые уши переданы небольшими рельефными выступами. Глаза обозначены просверленными отверстиями. Морда заканчивается небольшим пятчком носом с выделенными ноздрями. Пасть полуоткрыта (рис.2, 3). Качество резьбы и детализация изображения говорит о большом профессиональном мастерстве резчика, явно наблюдавшего медведя в природе. Конструктивно, подобная арфа, происходит из второго Пазырьковского кургана на Алтае (Симоненко, 1999, III). Датируется погребение второй половиной I – началом II в. н.э.

Исследуя тамги, нанесённые на фигурки и бортики инструмента, в частности знака в виде вихревой свастики, принадлежащей якобы его хозяину, С.А.Яценко указывает на идентичность большинства из них знакам распространённым в низовьях Дона (Яценко, 2001, с.77-78).

Музыкальные инструменты редко встречаются в погребениях кочевников. Помимо комплекса у с. Козырка, нам известны ещё только "остатки домбры или мандолины" из захоронения IV в. до н.э. в урочище Мечетсай в Южном Приуралье (Смирнов, 1968, с.116).

Из погребения 5 грунтового могильника Боканы происходит бронзовый литой амулет в виде правой пятипалой лапы животного, с отверстием для подвешивания длина – 2,4 см, (рис.3, 1). Амулет лежал у запястья левой руки молодой женщины. Боканский могильник выделяется среди сарматских древностей Днестровско – Пруто - Дунайского междуречья своей сохранностью и обилием импортных материалов в составе погребального инвентаря. Следует, однако, отметить, что его отнесение к типу грунтовых могильников не представляется однозначным. Могильник находится в центральной зоне междуречья, буквально на опушке крупного лесного массива – Молдавские Колды и занимает южный склон обособлено стоящего

холма (Фёдоров, 1960, табл.38), что соответствует размещению основной массы впускных сарматских погребений в более ранние курганы региона. Не исключено, что и в данном случае холм мог восприниматься кочевниками как курган.

Вместе с амулетом в погребении была найдена бронзовая сильно профилированная фибула с бусиной на головке и крючком для тетивы. Спинка в сечении трапециевидная, ножка подтреугольная орнаментированная косыми насечками. Приёмник высокий. Длина застёжки 2,9 см, (рис.3, 2) По мнению А.К.Амброза, подобные фибулы развились из дунайских булавок, ареал распространения которых приходится в основном на территорию карпской культуры (Амброс, 1966, табл.7, 10). Датируются фибулы II в. н.э.

Также в погребении был обнаружен фрагмент литого зеркала из белого металла, которое относится к IX типу зеркал с боковым ушком (по типологии А.М.Хазанова). На сохранившемся фрагменте просматриваются два завитка от четырёх лепестковой свастики, а по внешнему кругу видны лучеобразные чёрточки, символизирующие солнечный знак (рис.3, 3) диаметр – 4,6 см. Этот вариант зеркал распространён чрезвычайно широко во II - III вв. н.э. (Хазанов, 1963, с.65-67).

Захоронения на Боканском могильнике, судя по всему, были совершены в ограниченный отрезок времени. Для уточнения времени его существования рассмотрим максимально выразительные комплексы. Наиболее информативным в хронологическом отношении является погребение 10, из которого помимо аррибала происходят две фибулы.

Стеклоанный аррибал с шаровидным туловом, коротким горлом и горизонтально отогнутым массивным венчиком. Высота флакона около 7 см (Фёдоров, 1956, с.55, рис.11) относится к типу косметических флаконов получивших распространение в Северном Причерноморье со второй половины I по начало II в. (Гушина, Сорокина, 1984, с.45, 48; Кузина, 1997, с.323, кат.346-349). Первая, сильно профилированная двучленная фибула с гребнем на спинке и высоким приёмником (Фёдоров, 1960, рис.43, 6) относится к категории застёжек изготовлявшихся в северной части Паннонии, встречающихся преимущественно в закрытых комплексах второй половины – конца II в. (Амброс, 1966, с.38; Циндровська, 1982, с.91). Вторая железная застёжка принадлежит к типу крупных булавок с мягко изогнутой пластинчатой спинкой и завитком на конце сплошного высокого приёмника (Фёдоров, 1960, табл.47, 7). Подобные фибулы характерны для восточных регионов позднесарматской культуры и датируются второй половиной II - III в. (Амброс, 1966, с.46).

Несколько корректирует время закладки могильника бронзовая проволочная одночленная фибула солдатского типа из погребения 9 (Фёдоров, 1960, табл.42, 8). Подобные застёжки получили наибольшее распространение в восточных провинциях римской империи во времена Домициана - Адриана (Böhme, 1972, p.14-15, taf.3, 142).

Таким образом, исходя из имеющихся у нас дат время функционирования могильника, представляется возможным, ограничить серединой – второй половиной II в.

При обследовании зарубинского городища Бабина Гора вблизи с. Бучаки, Каневского р-на Черкасской области в заполнении рва были найдены чернотерракотовая лепная чаша с зооморфной ручкой изображающей, по мнению автора публикации, медведя (Максимов, 1978, с.51, рис.4). Округлой формы ручка в верхней части имеет небольшой выступ, имитирующий голову какого-то животного. В месте крепления к тулову сосуда не расчленённые ноги, короткими врезными штрихами, трактованы как две крупные когтистые лапы. Предельная обобщённость и схематичность образа не позволяют уверенно идентифицировать его как изображение какого либо реального зверя. Других предметов связанных с мотивом медведя на территории распространения сарматской культуры в Северном Причерноморье нам не известно.

Культ медведя – сильного и опасного хищника издревле был широко распространён в лесных и горных зонах Евразии и Северной Америки. Практически во всём ареале его обитания. До недавнего времени наряду с лосем он оставался одним из наиболее почитаемых животных у многих тайжных народов Северного Урала и Сибири, что, безусловно, было тесно связано с производственной жизнедеятельностью этих охотничьих племён. Однако в настоящей работе мы попытаемся проследить исторические корни появления мотива медведя у ирано-язычных кочевников Северного Причерноморья и у сарматов в частности.

Значительная степень схематизации большинства зооморфных изображений приписываемых медведю в сарматском и в меньшей степени скифском искусстве, не всегда позволяют с достаточной долей уверенности говорить об их видовой принадлежности. Представляется, что большая часть сюжетов имеет признаки совершенно иных животных – кошачьих, волка, кабана, либо вообще некоего обобщённого персонажа. Не останавливаясь на детальном разборе того или иного образа, обратимся только к тем изделиям, на которых принадлежность изображения медведю не вызывает сомнений.

Наиболее ранние предметы с мотивом медведя появляются в савроматском зооморфном искусстве в конце VI в. до н.э. Наряду с волком его образ, по мнению К.Ф.Смирнова, занимал в bestiarii савроматов ведущее место, являясь архаичным пережитком тотемизма в их мировоззрении (Смирнов, 1964, с.243-245, 251). Если в отношении мотива волка данное положение не встречает возражений, то сравнительно небольшое количество находок с изображением медведя не позволяют считать его типичным для искусства Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Заметная концентрация изделий с мотивом медведя, выполненных в характерном художественном стиле, отмечена в Южном Приуралье, регионе, где медведи продолжают обитать вплоть до настоящего времени. Наиболее

яркие образцы вырезанные на костяных пластинах, происходят из урочища Биш Оба и кургана 4/3 группы Пятимары I (Смирнов, 1964, рис.10, 13; 79, 6).

Ряд художественно оформленных бляшек уздечных наборов, был обнаружен в Саратовском Заволжье – с. Суслы (Герцог) кургана 43 (Смирнов, 1964, рис.13, 56) и в Хошеутовском комплексе на Нижней Волге (Дворниченко, Очир - Горяева, 1997, рис.1, 20). Наконец, фигурка стоящего медведя украшала ручку бронзового зеркала случайно найденного в Майконском р-не (Смирнов, 1964, рис.81, 4) в Прикубанье.

Вторым по плотности находок предметов с образами медведей является регион Верхнего Подонья. Область, соответствующая распространению предметов искусства Воронежской группы лесостепной скифской культуры, сложившегося под сильным влиянием художественного камско-уральского стиля (Гулжаев, 1969, с.117) алашанского времени. Мотив медведя широко представлен на вещах различного назначения, техники исполнения и стиля (Замитин, 1949, рис.2, 1; 14, 1, 2; 27, 2; Гулжаев, 1969, с.111-112), в памятниках IV - III вв. до н.э.

Наконец, существует ряд разнообразных предметов с характерным изображением головы медведя лежащей на передних лапах в фас, в так называемой жертвенной позе, разбросанных на обширной территории от Южного Приуралья и Поволжья до Днестровско - Прутского междуречья. Наиболее эффективной, с точки зрения художественного оформления, категорией изделия является орнаментированные кабаньи клыки, служившие деталями сбруйного набора или подвесками к оружию. Всего кабаньих клыков с подобным изображением зверя найдено два. Первый, двухсторонний клык с изображением медвежьей головы в фас помещённой в средней части предмета (Максимов, 1976, с.213, рис.1, 21), происходит из разрушенного кургана у с. Новопривольного в Саратовском Заволжье. Второй, односторонний клык из коллекции Ханенко, найден на левобережье Днепра. На широком конце изделия в ряд изображены медвежьи головки, сочетающиеся с точно такой же головкой на узком конце (Яковенко, 1969, с.202-203, рис.1, 4).

Изображение медведя в жертвенной позе - редкий сюжет в искусстве савроматского и скифского звериных стилей. Помимо резных кабаньих клыков в Южном Приуралье он известен на золотых нашивных бляшках из кургана I у с. Покровка, найденных вместе с амулетом, изготовленным из обрамлённого в золотую оправу медвежьим клыком (Смирнов, 1964, рис.16, 26, к, л). Стилистически близка им золотая бляшка из Смелы (Степи..., с.19-89, табл.39, 46) находящаяся в лесостепном Днепро-Правобережье.

Совершенно аналогичные изображения счетверённых медвежьих голов в фас помещены на литой бронзовой бляшке Хошеутовского комплекса (Дворниченко, Очир - Горяева 1997, с.108, рис.1, 18) на Нижней Волге и на трёх костяных обоямах из погребения с остатками кремации открытого у с. Пыржолтены (Лапушнян, 1989, рис.3, 13-15) в Днестровско - Прутском

междуречье. Все изделия связаны с уздечными наборами. Датируются комплексы концом VI - V вв. до н.э.

Наиболее поздние изображения медведя в жертвенной позе в сарматской культуре происходит из разрушенного кургана у Новоузенка в Саратовском Заволжье. Легко узнаваемые головы зверя, опирающиеся на передние лапы изображенные на пяти небольших серебряных фалерах (Mordvinseva, 2001, p.75, taf. 14, 34). Датируется комплекс последней третью II в. до н.э.

Других ярких, художественно исполненных предметов с мотивом медведя в скифо - савромато - раннесарматском искусстве нам не известно. В конце II - I вв. до н.э. им на смену приходят изготовленные из различных материалов сосуды с зооморфными ручками. Рассматривая эту категорию находок М.П.Абрамова выделила несколько областей распространения подобной керамики, исключив из их числа Северное Причерноморье (Абрамова, 1969, с.75-76), где подобная керамика не была известна. Однако, ни в одном из них мотив медведя не воплотился в реалистично переданные, узнаваемые формы. Впрочем, некоторые его реплики прослеживаются в Прикубанье и на Нижнем Дону.

Большинство из рассмотренных изделий с образом медведя, за редким исключением, происходят из лесостепных областей, районов вероятного обитания зверя. Естественно, что его художественный образ, отнюдь не степного жителя, мог возникнуть только в ареале обитания этого представителя лесной фауны. Не исключая возможности конвергентного возникновения мотива медведя в различных регионах, подтверждением чему, казалось бы, может служить разнообразие художественных стилей, для локализации территории его первоначального появления в ирано - язычной среде. Обратимся к наиболее своеобразному изображению головы зверя в так называемой жертвенной позе (Васильев, 1948, рис.2), известной по многочисленным этнографическим наблюдениям у лесных народностей.

Блиские по стилю и характеру изображения медвежьих голов, иногда двойных или тройных, были широко распространены на различных предметах в Прикамье в пильборско - гляденское время (Корепапов, 1981), достигая наивысшего расцвета в пермском зверином стиле (Грибова, 1975, с.82-83, табл.VI, XVIII). Не представлен подобный сюжет лишь в материалах Верхнего Подонья. Однако и здесь мотив медведя развивался не изолированно, испытывая существенное взаимовлияние прикамского и среднедонского художественных стилей наиболее ярко проявившегося в оформлении портупейных крючков. Не был чужд образ медведя и соседним лесостепным племенам гороховской (Могильников, 1992, с.291) и саргатской культурно - исторических общностей (Могильников, 1992, с.305). Культур осуществлявших активный взаимобмен не только товарами, но и мировоззренческими представлениями с савромато - сарматским миром и оказавших значительное влияние на развитие культурно - исторического процесса в Южном Приуралье на всем протяжении своего существования. В других регионах этот художественный мотив не получил такого яркого

развития. Представляется, что именно из камско - уральского региона образ медведя посредством савроматских племён, через Южное Приуралье и Поволжье, проникает в Северное Причерноморье в V в. до н.э. Надо отметить, что это проникновение не было каким-то одномоментным культурным импульсом, а результатом естественного движения неких кочевых народов на запад. Попадая в иную культурную среду зооморфные мотивы могли видоизмениться в сторону большей схематизации, сохраняя устойчивый сюжетный контекст, имевший, надо полагать, мифологическую основу.

Все открытые в Северо - Западном Причерноморье комплексы, содержавшие предметы, связанные с образом медведя укладываются в сравнительно узкий промежуток времени - рубеж I - II - вторая половина II в. н.э. Все они привозные и не имеют прототипов в местной среде. Ручки из Оланешт и Козьрки, отличившиеся большой правдоподобностью изображения зверей, связаны своим происхождением, судя по близкой им технике исполнения головки конячьего хищника из Азова, с Нижним Подоньем. С этим же регионом, надо полагать, связан и лепной кувшин из Думки. Однако, реалистичных изображений медведя на Нижнем Дону не известно. Любопытно, что наиболее узнаваемые его образы на сосудах с зооморфными ручками, стилистически очень близкие рассматриваемым, появляются на рубеже эр в области распространения памятников джетьясарской культуры, на нижней Сырдарье (Абрамова, 1969, с.82; Левина, 1992, с.71, табл.25, 21, 30, 37). Примечательно также, что для этой культуры характерно широкое использование кубков с шаровидным туловом, не редко с одной зооморфной ручкой (Левина, 1992, с.68, табл.22, 15, 16, 31; 25, 20-21). Возникает соблазн предположить, что именно они могли послужить образцами для мастеров, изготавливавших кубки из драгоценных металлов из богатых сарматских комплексов в Порогах, Хохлаче, Высочино и Мигулинский (Симошенко, 1991, рис.30). Не из этого ли региона попали на берега Южного Буга арфа, музыкальный инструмент, хорошо известный по настенным дворцовым росписям, широко использовавшийся в хорезмской музыкальной культуре (Садыков, 1968).

Появление мотива медведя в Северо - Западном Причерноморье хронологически совпадает с продвижением в регион новой этнической группы кочевого населения - алан. Нами ранее высказывалось предположение, что в начале II в. н.э. некая аланская орда, кочевавшая ранее в Южном Приуралье и генетически связанная с Приуральской Аланией, продвинулась через Нижний Дон на запад, став в Днестро-Пруто - Дунайском междуречье основой для создания нового политического объединения под своей доминантой (Курчатова, Бубулич, 2003, с.306-308) - Дунайской алании. Вместе с ней, надо полагать, толпа из Южного Приуралья, отличившегося от других регионов распространения сарматской культуры широким использованием в быту деревянной посуды, толпа с нижнего Дона, рассматриваемые предметы попали в Северо - Западное Причерноморье.

По половому признаку изделия, связанные с образом медведя, распределились поровну. В двух случаях они найдены в потребностях воинов имевших довольно высокий социальный статус и дважды в захоронениях родовых женщин, что исключает вероятность принадлежности их служителям культа. Вместе с тем, помещение образа медведя на ритуально значимых предметах – ритуальные сосуды, музыкальный инструмент, одежда и детали вооружения или конского снаряжения, в сармато-раннесарматское время, позволяет говорить об их апотропической роли, выступающей в зависимости от контекста. В некоторых случаях, надо полагать, они служили как покровительствующие силы, а в других как вредоносные персонажи, связанные с хтоническими силами. Однотвория мифологизированную идею противопоставления и единства жизни и смерти.

В заключении рассмотрим этнографические параллели мотиву медведя у сарматов Северо-Западного Причерноморья, хоть и происходящих из весьма удалённых от причерноморских степей регионов, но удивительно точно совпадающие с его иконографией и вероятно указывающих, что не исключено, на гипотетическую прародину сюжета.

Следы почитания медведя прослеживаются у многих тайжных народов от северо-востока Европы до Дальнего Востока. Уходя корнями в далёкое прошлое, культ медведя насквозь проникнут реликтовыми идеологическими представлениями аборигенов, связанных с тотемизмом. Претерпев значительные изменения во времени, он трансформировался в мифологизированного культового героя, проявившая у различных народов в различной степени. Так если у селькупов, относивших себя к "медвежьему роду", убийство медведя приравнивалось к убийству человека (Гемуев, 1985, с.138), то у большинства других, оставаясь верховным божеством у манси, дорогим божественным существом у айвов, владыкой чащи и князем зверей у якутов и т. п. он является одновременно существом высшего порядка и зверем (Васильев, 1948, с.81-82; Анисимов 1951, с.202), охота на которого не только не возбраняется, но "считается занятием более всего подобающим мужчине" (Фрэзер, 1986, с.473).

Представления о медведе как о тотемном звере - прародителе, первом жителе земли, давнего людям огонь, орудия производства и научившего их различным формам хозяйственной деятельности (Анисимов, 1951, с.188-189) широко распространены среди малых народов Сибири.

Отношение к нему как к своему родственнику, младшему брату матери у эвенков (ламутов), наиболее ярко проявилось в обычаях кетов "усыновления" и выкармливания медвежат в бездетных семьях. Во время пребывания у людей они пользовались теми же благами, что и человеческие дети. Их украшали медными ошейниками - ожерельями, серьгами и, реже браслетами. В благодарность они предупреждали охотника о приближении дикого медведя и отгоняли его от стойбища. По достижении трёхлетнего возраста медведя выпускали в тайгу, не снимая украшений (Алексеевко, 1960, с.92-93), указывающих на принадлежность его к человеческому племени.

Из региона Прикамья и западной Сибири происходят натурально изготовленные статуэтки медведей в ошейниках, стоящих на четырёх или двух лапах с оскаленной пастью (Отяева, 1990, с.107, 109, рис.1), в позе агрессии или обороны.

Привлекает внимание соответствие камских статуэток и этнографических данных статуэткам - ручкам кубков из Оланшт. Единственно не совпадает металл ошейников. В нашем случае, серебряный ошейник - намордник мог выполнять двойное назначение: декоративно - имитационное (фигурка козачьего хищника из Азова) – желание придать простой в общем то деревянной посуде элемент роскоши и чисто утилитарное – придать фигуркам из хрупкого материала дополнительной прочности. Между тем, серебро считалось у алано - осетин священным металлом (Калоев, 1968, с.315), что придаёт фигуркам религиозно - магическое значение. Основное отличие медведя от других зверей, по представлениям кетов, заключается в его двойной, полуживотной получеловеческой природе. В том, что у него, как и у человека имеется душа (Алексеевко, 1960, с.91). Согласно представлениям селькупов, человек после смерти перевоплощается в медведя, становясь оборотнем. Принадлежа к миру живых, он в то же время связан с миром мёртвых (Гемуев, 1985, с.139).

Для того чтобы медведь - оборотень не причинил человеку вреда, селькупы носили слева у пояса на ремешке медвежий зуб, вспомнил клык в золотой оправе из Покровки (Смирнов, 1964, рис.16, 2в) или высушенную медвежью лапу (Гемуев, 1985, с.139). Медвежье ухо или зуб использовали при разрешении спорных вопросов и выявлении преступников у кетов. Давали медвежью клятву койубат (Алексеевко, 1960, с.92). По передней правой лапе зверя гадали к какому роду принадлежала душа убитого медведя, после чего её сохраняли как талисман (Алексеевко, 1960, с.95-96).

Амулет - лапа животного из Бокан является пережитком парциальной магии, когда часть заменяла целое. Использование подобных амулетов в скифо - сарматской культуре обычная практика. Символично само положение амулета – правой звериной лапы у левой кисти погребённой. Семантический ряд становится более понятен при рассмотрении энецкого шаманского костюма. Последний, так же как и бубен, разделяется на правую – солнечную, светлую и на левую – тёмную, на которой иногда изображался медведь, животное нижнего мира (Прокофьева, 1951, с.144). Одна из главных функций священного медведя – защита. Именно так следует понимать знаковый ряд погребения с амулетом. Медведь – дух предков, заместитель жизненной силы тотема, энецкий манга, обеспечивает безопасное сопровождение души умершего сородича в нижний мир, являясь иллюстрацией широко распространённого на севере мифа об умирающем и воскресающем звере – природе (Анисимов, 1951, с.200, 210), единстве жизни и смерти.

С хтоническими обрядами связывается в осетинском эпосе изобретение арфы, одновременно являясь основным инструментом при исполнении героического эпоса (Яценко, 2001, с.77, прим.22).

Концентрация изделий с мотивом медведя в степной зоне Северо-Западного Причерноморья на сравнительно ограниченном территориально-временном пространстве свидетельствует о появлении в регионе этноса, для которого рассматриваемые предметы с зооморфными мотивами имели смысл и ценность как носители определённой идеи.

Формы религиозных воззрений специфичны для каждой природно-климатической зоны, так как выражают устоявшуюся систему ценностей, выработанных в конкретной ландшафтной среде, понятных только данному обществу и отличающих его от других. Восприятие инокультурных традиций возможно только в результате процесса ассимиляции. Ни того, ни другого в Северо-Западном Причерноморье в I – середине II в. н.э. не наблюдается. Напротив, в регионе появляется новая кочевая орда, чьё мышление осталось проникнуто символизмом и пережитками архаических зоолатрических культов с явными приметам почтения культа медведя, привнесённые извне. Основываясь на археолого-этнографических материалах, центром его распространения следует считать Южное Приуралье, где все означенные выше положения присутствовали и где мотив медведя был широко распространён с VI в. до н.э. Откуда, судя по всему, вместе с аланами он попадет в конце I начале II в. на берега Днестра.

**The bear motive in the sarmat culture
in the north – western Pont
Summary**

The article is examining the period of appearance of such an unusual zoomorphic archetype for steppe nomads. On the basis of wide archeological analogies and ethnographical data, the authors come to the conclusion that the examined motive could have been brought in the north – western Pont area in the first half of II century A.D. by the Alan horde, coming from South Ural.

Литература

- Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. – 1969. - №2. - С.69-84.
Алексеев Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. – 1960. - № 4. - С.90-103.
Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. – 1966. - Вып.Д 1-30. - С.1-105
Анисимов А.Ф. Шаманские духи на воззрениях эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства // Сборник МАЭ. – 1951. - т. XIII. - С.187-215.
Беспалый Е.М. Деревянная посуда в курганах I – III вв. н.э. на Нижнем Дону. Скифия и Босфор // Археологические материалы к конференции памяти академика М.И.Ростовцева. - Новочеркасск, 1989. - С.120-121.

- Беспалый Е.М. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. – 1990. - №1. - С.213-223.
Васильев Б.А. Медвежий праздник // СЭ. – 1948. - №4.
Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало – Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. - Новосибирск, 1985. - С.137-144.
Грибова А.С. Пермский звериный стиль. - М., 1975.
Гросу В.И. Сарматские памятники Среднего Поирутья // АИМ. – 1988. - С.79-91.
Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. – 1969. - №151. - С.109-127.
Гущина И.И., Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго – западном Крыму // Древности Евразии в скифо – сарматское время. - М., 1984. - С.43-53.
Дворниченко В.В., Очир – Горжева М.А. Хонтеутовский Комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. - Азов, 1997. – Вып.5. - С. 99-115.
Замятин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. – 1949. - т.VIII. - С.9-50.
Калоев Б.А. Скифо – сармато – алано – осетинские параллели. История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968.
Корепанов К.И. Изображения медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н.э. // ВАИ. - Свердловск, 1981. – Вып.15. - С.130-136.
Курчатов С.И., Бубулич В.Г. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» - 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. - Кишинёв, 2003. - С.285-312.
Кунина Н. Античное стекло в собрании Эрмитажа. – СПб., 1997.
Лапушкин В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. - Кишинёв, 1978.
Левина Л.М. Памятники джетысарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э. // Стенная полоса Азиатской части СССР в скифо – сарматское время. Археология СССР. - М., 1992. - С.61-72.
Максимов Е.В. Взаимовідносин зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. – 1978. – Вып.28. - С.50-54.
Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо – сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. - М., 1976. - С.210-218.
Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. - Азов, 1998. – Вып.6.
Мелокова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавской ССР) // СА. – 1962. - №1. - С.195-208.

Могильников В.А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо - сарматское время. Археология СССР. - М., 1992. - С.283-291.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо - сарматское время. Археология СССР. - М., 1992. - С.292-311.

Ояева Е.И. Бронзовая фигурка медведя из собрания Строгановых (опыт семантической дешифровки) // АСГЭ. - 1990. - Вып.30. - С.107-115.

Прокофьева Е.Д. Энеолитский шаманский костюм // Сборник Музея антропологии и этнографии. - М.-Л., 1951. - Т. XIII. - С.125-153.

Салоков Р.Л. Древнехорезмийский инструментальный ансамбль // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С.161-167.

Симонович А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо - Западного Причерноморья в I в. н.э. - К., 1991. - 110 с.

Симонович А.В. Сарматские похоронки с тамгами на территории Ольвийской державы // Археология. - 1999. - №1. - С.106-118.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // Древности Нижнего Поволжья. Т. 2, МИА. - 1960. - №78. - С.169-268.

Смирнов К.Ф. Саирматы. - М., 1964.

Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетая // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968.

Степи европейской части СССР в скифо - сарматское время. Археология СССР. - М., 1989.

Федоров Г.Б. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // Известия Молдавского филиала Академии наук СССР № 4 (31). - Кишинев, 1956. - С.49-65.

Федоров Г.Б. Население Прутско - Днестровского междуречья // МИА. - 1960. - №89.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. - М., 1986.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. - 1963. - №4. - С.58-71.

Циндровська А.О. Про деякі типи фібул перших століть нашої ери на Середньому Подніпров'ї // Археологія. - 1982. - Вып.37. - С.87-91.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. Т. 1, МИА. - 1959. - №60. - С.323-523.

Яковенко Э.В. Кляпки с зооморфными изображениями // СА. - 1969. - №4. - С.200-207.

Яценко С.А. Знаки - тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. - М., 2001.

Böhme A. Die Fibeln der Kastele Saalburg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. - 1972. - Т. 29.

Mordvinceva V. Sarmatische Phalaren // Rahden. - Westf., 2001.

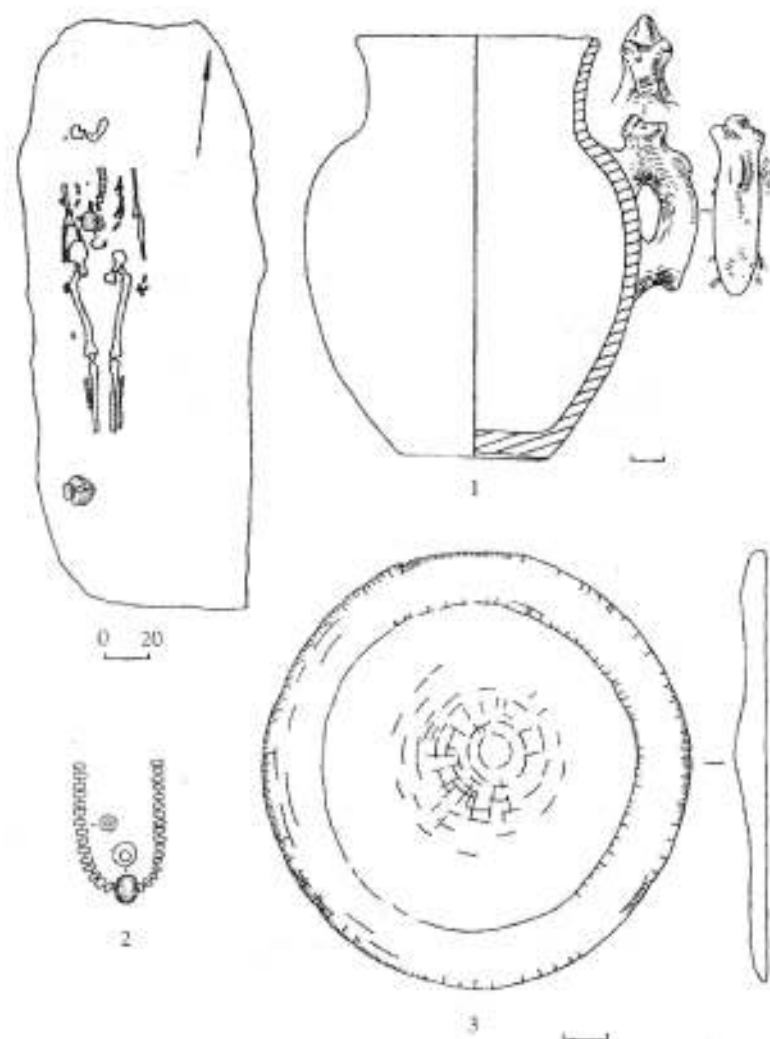


Рис.1. Погребение и инвентарь из погребения 3 кургана 14 у с. Думены (1-3).

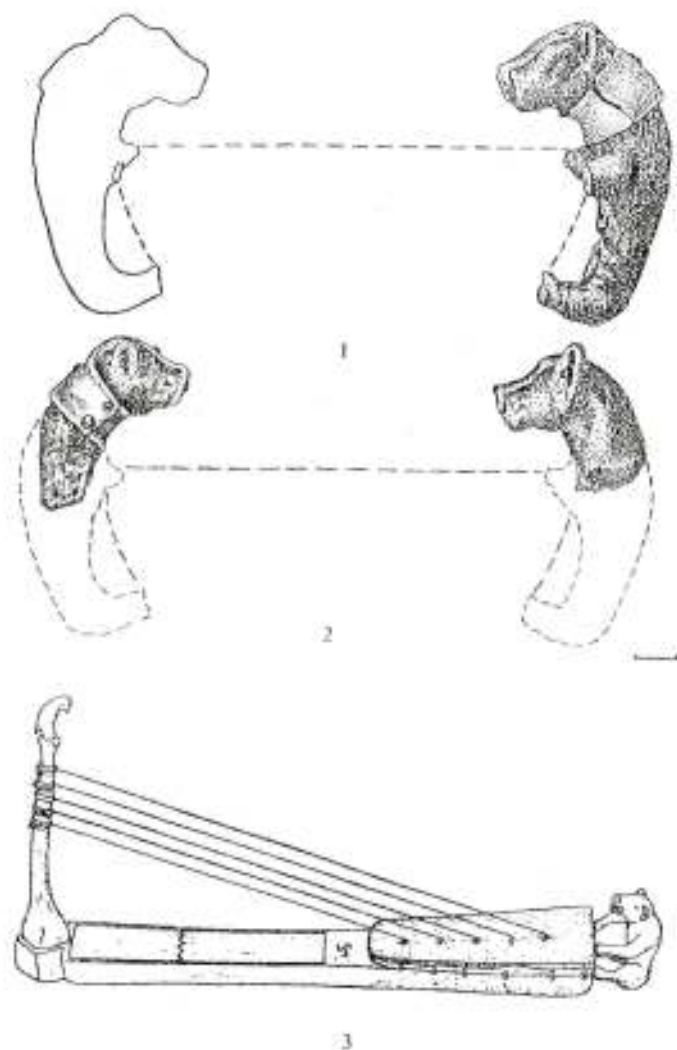


Рис.2.

Деревянные чаши с зооморфными ручками из погребения 4 кургана IV у с. Оланешты (1-2). Арфа с зооморфной ручкой из погребения у с. Козырка (3).

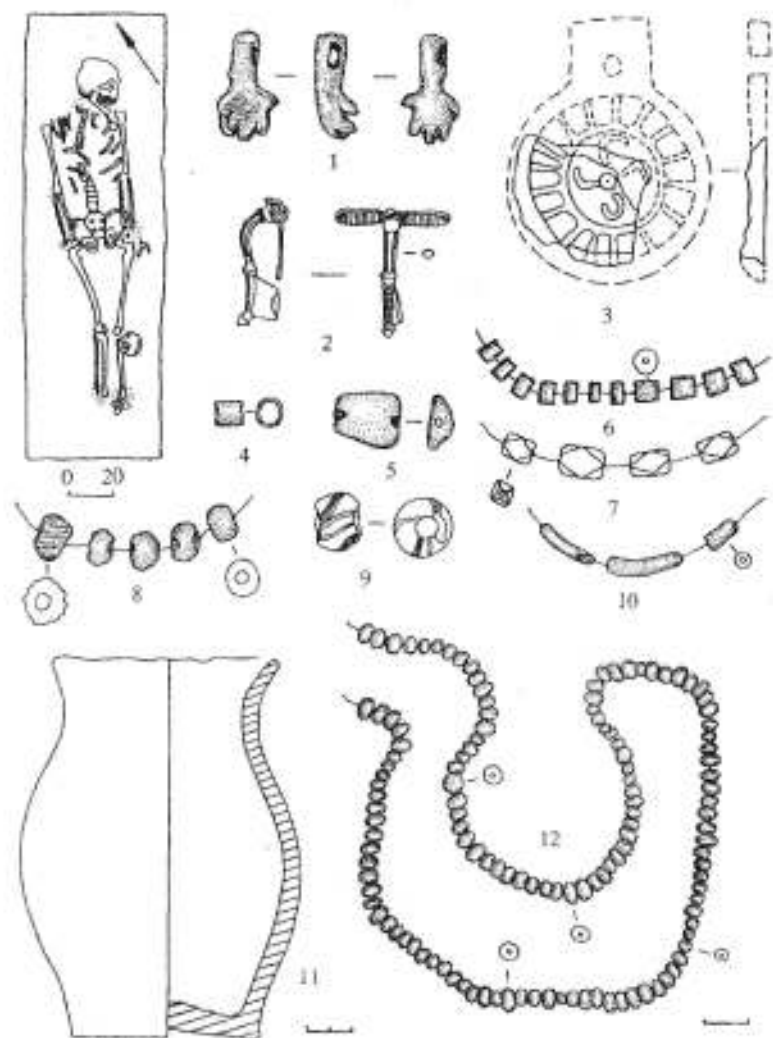


Рис.3.

Погребение и инвентарь из погребения 5 Боканского могильника (1-12).